

Параллельная война

Классик отечественной литературы собрал остатки памяти о Великой Победе

Перед юбилеем Победы вспыхнул интерес к окопной прозе. На полки книжных магазинов под грифом «бестселлеры и новинки» хлынул поток переизданных романов тридцатилетней давности – новых книг о Великой Отечественной войне сейчас почти не публикуют. Мэтры прозы утверждают, что военные шедевры в литературе созреют лет через десять–двадцать.

Книги к 60-летию Победы печатались во многих издательствах срочными тиражами-молниями: только бы успеть к красной дате календаря. Однако переизданий среди них гораздо больше, чем новой прозы. Очевидцев войны становится все меньше, а вдохновение современных писателей обычно не подчиняется календарным праздникам.

Война со своими

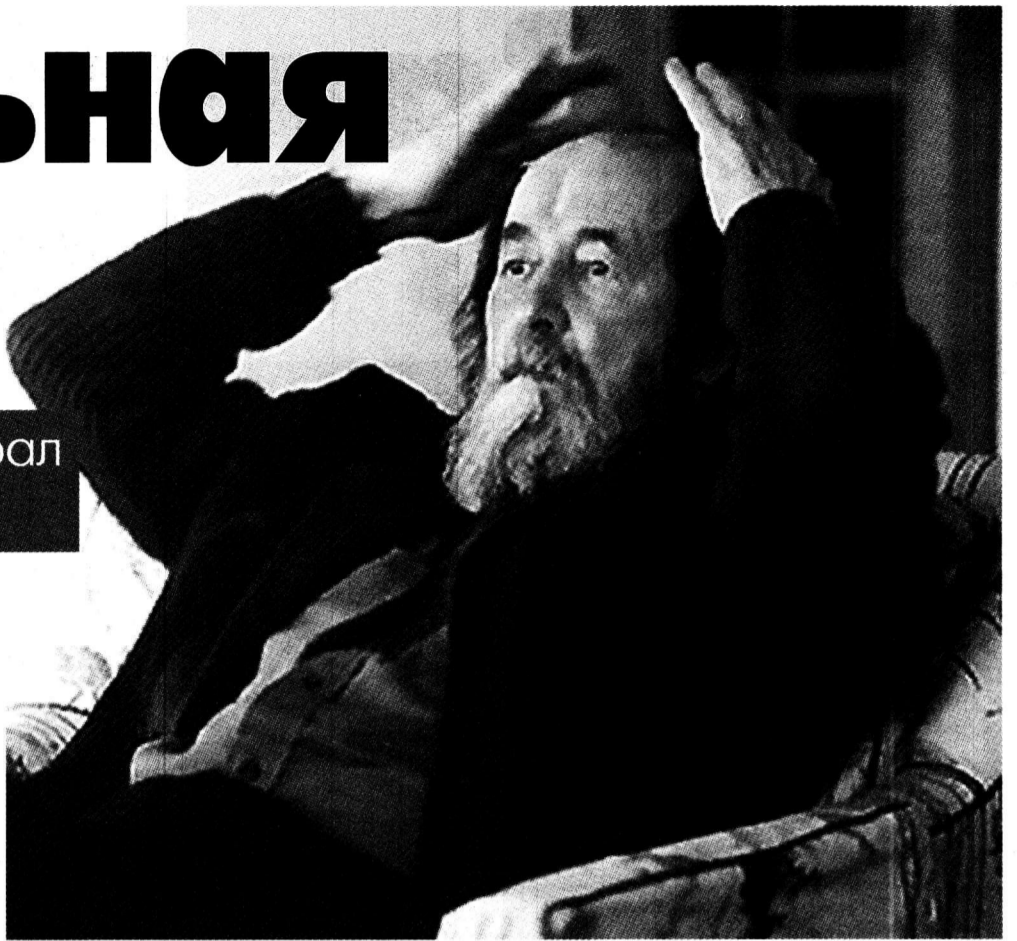
Самая яркая из книг нынешнего юбилейного издательского залпа, безусловно, – «Военное» Александра Солженицына, собравшая рассказы разных лет, и... одно телевизионное выступление десятилетней давности. Тогда, в урезанном цикле передач на канале ОРТ (последняя серия должна была повествовать об отношении народа к власти Ельцина, но так и не вышла на экраны), Солженицын рассказывал о своем аресте. О том, как отмечал Победу 1945 года в тюрьме на Большой Лубянке, в самом центре Москвы, и сквозь прутья решетки мог наблюдать праздничный салют. Его арестовали за шаг до Победы: в переписке офицера Солженицына со школьным другом нашлись непочтительные высказывания о товарище Сталине. История не пишется в сослагательном наклонении, и сейчас в голове не укладывается, что Александр Солженицын командовал батареей разведчиков-артиллеристов, то есть мог не вернуться с войны, не попасть из огня в полымя и не написать «Архипелаг ГУЛАГ», не

дожить до наших дней. Непоправимо честный во всем, он писал о войне, которая шла «на два фронта»: о войне партийного руководства с подчиненными и войне наших солдат с немцами. Писал о том, как за несколько украденных картофелин голодных советских солдат приравняли к фашистам, и о том, не проиграл ли наш народ в той «параллельной» войне, которую вел со своим вождем. В этой правдивости – вся ценность нашей окопной прозы о людях, которые воевали и побеждали под началом Сталина, но отдельно от него. Именно поэтому другой живой классик Андрей Битов сейчас так яростно выступает против памятника Сталину в Волгограде или Крыму и выпускает книгу «Победа» о собственном блокадном детстве (когда началась война, ему было четыре года). К нынешнему юбилею Великой Победы готовятся книги, когда-то отвергнутые по идеологическим соображениям. Когда-то советские издатели с ужасом вернули Анатолию Кузнецову рукопись романа «Бабий Яр», который теперь продается в книжных магазинах среди детективных бестселлеров. Кузнецов 14-летним подростком вел дневник во время немецкой оккупации Киева, а потом вместе с товарищем по институту Евгением Евтушенко (автором одноименного стихотворения «Бабий Яр») ходил к знаменитому месту расстрела евреев, рассказывал другу о том, как ручей долго вымывал кости убитых.

Смерть как случайное воспоминание

Из новой прозы успевает к сроку ожидаемый роман Леонида Гиришова «Вий. Вокальный

Мэтры прозы утверждают, что военные шедевры в литературе созреют лет через десять–двадцать

цикл Шуберта на слова Гоголя». Родившийся после войны, Леонид Гиришович пишет все о том же военном Киеве, где идет обычный оперный сезон, газеты лояльны к захватчикам, а главный режиссер театра оперы хочет шантажом склонить к сожительству еврейскую девушку под угрозой выдать ее нацистам (Бабий Яр совсем рядом). Этот роман уже решено номинировать на будущий «Букер». Шансы на победу у произведения есть, учитывая, что председатель жюри этого года – Василий Аксенов – из военного поколения (ребенком был эвакуирован за Урал).

В современной психологии и драматургии есть термин flash bac («вспышка прошлого»). Такое происходит со всеми, когда в размеренную жизнь вдруг молнией врывается мысль о детском вдове, юношеской обиде. Такой же «вспышкой», поддерживающей чувство настоящего, становится сегодня Великая Отечественная война для современной литературы. За

примерами далеко ходить не надо. Это и семейные предстории героев Людмилы Улицкой (побочные, небольшие сюжеты). И недавно презентованный роман молодой писательницы Ольги Славниковой «Бессмертный» – о ветеране, который удавкой уничтожил фашистов во время войны и теперь мечтает повеситься на спинке собственной кровати. Как ни странно, этот жутковатый роман тоже «подгадали» к празднику.

К сожалению, очень скоро волна популярности окопной прозы схлынет, срочно напечатанные тиражи разойдутся. И их верстки придержат в издательствах до следующего юбилея, который будет еще беднее живыми свидетельствами войны. Впрочем, классик отечественной военной прозы писатель Борис Васильев утверждает, что настоящие романы о войне должны появиться гораздо позже. «Роман «Война и мир» Толстой написал спустя десятилетия после Отечественной войны 1812 года. И все потому, что к тому времени отсылось немужное. Точно так должно произойти и с осмыслением нашими литераторами Великой Отечественной», – считает Борис Васильев.

Мария КОРМИЛОВА.

Как продавалось веселье

Сыновья Луи де Фюнеса написали откровенную книгу о своем знаменитом отце

На книжных прилавках Франции появилась новая биография одного из величайших комиков мирового кино – Луи де Фюнеса. Она примечательна прежде всего тем, что написана ее сыновьями знаменитого актера – Патрик и Оливье. Книга называется «Не говорите слишком много обо мне, дети». Судя по названию, папа не раз предупреждал своих чад не болтать про него лишнее, но они не послушали родительского совета и спустя 20 с лишним лет после его смерти решили откровенно рассказать о том, каким де Фюнес был в семье. А чтобы братья не написали чего-нибудь «лишнего», над книгой поработала и вдова актера – Грельдия, кстати, внучка не менее знаменитого француза – Ги де Мопассана. Ее привлекли в качестве консультанта.

В книге много весьма откровенных подробностей, многие из которых посвящены «навязчивым идеям» комика. Оказывается, Луи боялся работать с новыми людьми, предпочитая сниматься с постоянными партнерами. Это касалось не только актеров, но и режиссеров, операторов и даже технического состава.

Он также всегда сильно переживал за безопасность своего дома. Трудно в это поверить, но комик никогда не гулял по своему поместью без заряженного пистолета! Другая «нехо-

рошая» черта актера – почти патологическая злопамятность. От нее пострадала даже принцесса Монако – Грейс. Де Фюнес отказался от ее предложения сыграть в благотворительном спектакле в ее дворце в отместку за то, что за 8 лет до этого Грейс проигнорировала его, появившись на съемочной площадке.

Впрочем, для тех, кто хорошо знаком с жизнью и творчеством де Фюнеса, не является открытием то, что в реальной жизни Луи был далеко не весельчаком. Весь заряд своего искрометного юмора артист без ос-

татка выплескивал в фильмах, а вне экрана он порой бывал даже чересчур серьезен, а иногда и попросту невыносим. Говорят, что один известный журналист, познакомившись с ним, с недоумением заметил: «Трудно представить себе, что этот маленький, очень серьезный человек заставляет смеяться всю Францию».

Кроме того, он был настоящим скрягой – еще большим, чем многие его персонажи. Даже, уже будучи одним из наиболее высокооплачиваемых актеров Франции, де Фюнес самолично проверял все счета и до

оду торговался на дешевых рынках, покупая провизию. А однажды он заставил своего сына обменять только что купленные ботинки на более скромные. Ему показалось, что платить так много за «какую-то обувь» – несусветная глупость. Луи постоянно носил при себе связку ключей от всевозможных шкафов, дверей и ящиков, опасаясь, как бы чего не украли.

Доставалось от комика и соседям. Оказывается, когда актер слышал шум за стеной, а на часах было позже 22 часов, он звонил в полицию, а потом требовал возмещения морального ущерба! Впрочем, иногда он мог пошутить и во внеслужебное время. Однажды де Фюнес повесил на дверь своего дома табличку «Торговую весельем с 9.00 до 18.00». Однако в результате главной жертвой шуток стал сам ее автор. К его величайшему раздражению, у ворот действительно выстроилась очередь желающих «приобрести порцию смеха!» Это надолго отбило у Луи желание шутить в жизни, и он продолжил «торговать» смехом лишь на профессиональном поприще. И это у него отлично получалось. Кстати, Фюнес мечтал об актерской династии, и для него было большим разочарованием, что сыновья не пошли по его стопам: Оливье стал летчиком, а Патрик выбрал профессию врача.

А что касается многочисленных недостатков великого комика, то у кого их нет? К тому же трудный характер, болезненное самолюбие и скупость актера во многом объясняются его достаточно высоким происхождением при финансах, которые большую часть его жизни «пели романсы». Потомок древнего аристократического португальского рода Карлос Луи де Фюнес де Галарца (настоящее имя актера) родился в семье банкира, правда, обанкротившегося. Поэтому с детства ему пришлось узнать, что такое нужда, а в юности он перепробовал более десятка различных, отнюдь не аристократических, профессий. Тогда он и стал просто Луи де Фюнесом, вдвое сократив свое благородное, но слишком длинное для обычного бедняка имя. В кино Луи дебютировал еще в 40-х годах в фильме «Барбизонские искушения», однако слава к нему пришла лишь в 60-х. Прежде чем на актера по-настоящему обратили внимание зрители и критики, он снялся в 75 картинах! Особую известность ему принес киносериал про жандарма Крюшо из Сен-Тропеза и нашедший в СССР «Фантомас», где он сыграл почти драматического, но невероятно уморительного персонажа – незадачливого комиссара Жюва.